

УДК 341.43«1939-1941»(438)(476)

Польские беженцы из западных областей Украины и Беларуси в системе спецпоселений (июль 1940 – июнь 1941 гг.)

Д.М. ТОЛОЧКО

В статье исследуется проблема материально-бытового обслуживания и трудоустройства польских беженцев из западных областей Украины и Беларуси в условиях спецпоселений (июль 1940 – июнь 1941 гг.). Автор приходит к выводу, что обеспечение спецпереселенцев-беженцев в местах их расселения продовольственными, промышленными товарами, жильём, медицинское обслуживание были неудовлетворительными.

Ключевые слова: беженцы, спецпереселенцы, Западная Украина, Западная Беларусь, трудоустройство.

The article studies the problem of financially-consumer services and employment of the Polish refugees from the western areas of Ukraine and Belarus in conditions of special settlements (July 1940 – June 1941). The author comes to a conclusion that provision of special settlers (refugees) in places of their settling with the food, industrial goods, accommodation, health services was unsatisfactory.

Keywords: refugees, special settlers, Western Ukraine, Western Belarus, employment.

В сентябре 1939 г. произошло судьбоносное событие в истории украинского и белорусского народов – их объединение в едином государстве. Этот шаг был осуществлён в условиях начавшейся Второй мировой войны и связан с множеством драматических событий её первого этапа. Среди них – и массовый поток беженцев с территории Польши, занятой фашистской Германией и искавших спасение в УССР и БССР. Исследование судеб этих людей является одной из важнейших проблем новейшей истории Украины и Беларуси.

1 сентября 1939 г. произошло вторжение войск фашистской Германии в Польшу. Одновременно с этим тысячи беженцев двинулись из центральных и западных районов Польши на Восток страны, в том числе и на территорию Западной Украины и Западной Беларуси. О масштабах бегства со стороны населения Польши свидетельствует, в частности, фрагмент из письма Я. Говорской (непосредственной очевидицы указанных событий): «Весь край был в походе на восток. В этом непрерывном потоке беженцев, бежавших от немцев, были и дети, и грудные младенцы, которые попросту умирали с голода, так как ничего нельзя было купить».

17 сентября 1939 г. началась военная операция Красной Армии. В этой связи большинство польских беженцев бросились из Западной Украины и Западной Беларуси на территорию, занятую Германией, а некоторая часть – в Румынию, Литву. Однако и оставшихся в западных областях Украины и Беларуси беженцев было достаточно для того, чтобы значительно увеличить численность населения региона.

Беженцы, прибывшие на территорию Западной Украины и Беларуси из оккупированной Германией Польши, немедленно попали в оперативную разработку органов НКВД УССР и БССР. Среди них начали вербоваться осведомители, тщательно фиксировались высказывания, контролировалась переписка. Первые аресты в этой среде начали производиться ещё в октябре 1939 г. Одной из форм репрессивной политики со стороны советских властей в отношении беженцев стала депортация части из них вглубь СССР. Она была направлена против лиц, отказавшихся принять советское гражданство и записавшихся на выезд в Германию.

В результате проведённой в июне 1940 г. операции по выселению беженцев, из западных областей Украины и Беларуси было депортировано порядка 76–78 тыс. чел. Большая часть из них была размещена на спецпоселениях, остальные – в исправительно-трудовых лагерях НКВД [1, с. 242]. Спецпереселенцы-беженцы поступили в ведение Отдела трудовых поселений (ОТП) ГУЛАГа НКВД, переименованного в феврале 1941 г. в Отдел трудовых и специальных поселений (ОТСП). Подавляющее большинство из них для трудового исполь-

зования были переданы в ведение предприятиям Наркомлеса, Наркомцветмета, ЦОЛеса и лесным лагерям НКВД.

По прибытию беженцев принимающие организации должны были подготовить для них жильё. Строительство новых спецпосёлков не планировалось. Однако, как свидетельствуют многочисленные источники, в частности, материалы с мест расселения, докладные по итогам проверок и т. д., местные власти в большинстве своём оказались неподготовленными к приёму и размещению беженцев [2, л. 29–30].

Основная масса спецпосёлков, находившихся в ведении Наркомлеса, располагалась в лесных, заболоченных зонах, вдалеке от населённых пунктов, инфраструктуры, необходимой для длительного проживания, источников питьевой воды. Во время распутицы добраться до них было очень сложно. Жилища, где размещались спецпереселенцы-беженцы, как правило, представляли собой помещения, мало приспособленные для жилья. Чаще всего это были дощатые помещения барачного и полубарачного типа. Последние, в основной своей массе, не были отремонтированы, утеплены, находились в антисанитарном состоянии. В подавляющем большинстве барачных помещений не было индивидуальных кроватей. Люди спали на двухъярусных нарах [3, л. 9], [4, л. 41]. Так, в Архангельской области часть барачных помещений не имела перегородок, люди ложились спать вповалку, на голых досках без одеял и простынь. В Красноярском крае (спецпосёлки трестов «Хакаслес», «Хакасолото») в бараках не имелось керосиновых ламп, вёдер, стульев. В Свердловской области часть барачных помещений не имела окон, печей, топчанов, крыши сгнили.

Согласно положению «О спецпереселенцах и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР», каждой семье спецпереселенцев должна была предоставляться отдельная комната или отдельное место в бараке из расчёта не менее 3 кв. м на человека. На таких же условиях должны были расселяться и беженцы. Однако на практике эти нормы не выдерживались [4, л. 149–150].

Скученность в помещениях усугублялась антисанитарным состоянием посёлков. В спецпосёлках не хватало прачечных, бань, мыла. На всю Архангельскую область, например, насчитывалось всего 179 бань, последние топились «по-чёрному», их пропускная способность составляла 15–20 человек в день [4, л. 174]. По причине отсутствия прачечных бельё стиралось и сушилось прямо в бараках. «Помойные ямы и уборные переполнены, за очисткой никто не следит..., помой и нечистоты выливаются прямо на улицу», – отмечалось в акте обследования состояния спецпосёлков в Архангельской области.

Антисанитария, скученность в местах проживания вызывали инфекционные заболевания среди спецпереселенцев. Так, в течение августа – сентября 1940 г. в спецпосёлках трестов Краслес, Севполярлес от тифа, дизентерии и т. д. умерло 289 спецпереселенцев [3, л. 12]. Нередко, как сообщалось в многочисленных докладных проверяющих организаций, представители местных органов здравоохранения совершенно безразлично относились к спецпереселенцам. Например, в Плесецком районе Архангельской области зав. райздравотделом отказался лечить спецпереселенцев с высокой температурой. Он мотивировал это тем, что «грипп есть даже в Москве». В результате один из заболевших скончался. Впоследствии выяснилось, что это не грипп, а тиф.

Неудовлетворительным также обстояло дело с обеспечением прибывших товарами первой необходимости. Не хватало спичек, керосина, продуктов питания. В спецпосёлках практически отсутствовали крупы, овощи. С перебоями доставлялся даже хлеб. Основным рационом спецпереселенцев составляли хлеб и суп [4, л. 175]. У некоторых детей на почве недоедания (дополнительное питание ни дети, ни кормящие матери не получали) развивалась куриная слепота. В Вологодской области по причине крайнего истощения дети не могли посещать уроки физкультуры. У взрослых из-за недостатка в рационе овощей и фруктов часто отмечались заболевания цингой.

Основные причины подобных фактов объяснялись не только неподготовленностью областей и районов к приёму и размещению спецпереселенцев-беженцев. Отдельные из них, например, Новосибирская, Свердловская, Архангельская области, Коми АССР, где была размещена основная масса беженцев, своими силами просто-напросто не могли обеспечить

всех прибывших продуктами питания и промышленными товарами. Российский исследователь М.Б. Рогачёв в диссертации, посвящённой судьбам депортированных в Коми АССР в течение 1940–1944 гг., обращает внимание на тот факт, что в республике и без того наблюдался дефицит промышленных и продовольственных товаров [5, с. 97–98].

Трудности с обеспечением беженцев жильём, продовольствием, промышленными товарами усугублялись, как отмечалось в различного рода докладных проверяющих организаций, частыми злоупотреблениями со стороны ответственных лиц. Это и воровство, и бездушное отношение к спецпереселенцам и др. [6, л. 32]. Так, в посёлке Видзью Коми АССР продавец Супрядкин выгнал из магазина 50 беженцев, заявив при этом: «Я здесь хозяин, что хочу, то и делаю, перед вами отчитываться не буду». Органы НКВД Архангельской области отмечали, что «персонал груб, допускает хулиганские выходки по отношению к спецпереселенцам-беженцам. На их обращения по поводу улучшения условий работы, бытового обслуживания следуют ответы такого рода: “Умирайте, здесь достаточно земли, чтобы вас похоронить”».

Указанные явления в значительной степени являлись причиной высокой смертности среди спецпереселенцев-беженцев. Сложная ситуация наблюдалась также с трудоустройством и трудоиспользованием депортированных беженцев. В многочисленных документах проверяющих организаций отмечалось, что «предприятия не подготовились к освоению беженцев, не продумали плана расстановки сил, не обеспечили участки работ инструментом в нужном количестве и соответствующего качества» (из докладной начальника Главного экономического управления НКВД СССР Б.З. Кобулова «О приёме и расселении беженцев из УССР и БССР») [2, л. 28]. В этой связи неудивительно, что часть трудоспособных спецпереселенцев не использовалась на работе. По данным на сентябрь 1940 г. в Иркутской области «трудоиспользовалось» 46,9% беженцев, Архангельской – 79,8%, Свердловской – по предприятиям Наркомлеса (94,4%), Наркомцветмета – 90,9% [7, с. 120–121].

Как свидетельствуют данные из мест расселения беженцев, даже получив работу, они выполняли производственные нормы от 20% до 60% [3, л. 56–57]. Как следствие этого заработки беженцев были крайне низки и не могли обеспечить прожиточного минимума. Так, согласно сведениям по Архангельской области, средняя заработная плата беженцев в 4-ом квартале 1940 г. составляла 92,5 рубля (подсчитано по [6, л. 43]). Некоторые из них зарабатывали даже по 80 копеек [3, л. 165]. Следует также отметить, что в системе лесной промышленности расценки были и без того низкие. Даже те спецпереселенцы, которые выполняли нормы до 131%, зарабатывали в месяц не более 240 рублей [7, с. 127]. Более того, отмечались многочисленные факты задержки заработной платы [3, л. 12]. Наблюдались случаи дискриминации беженцев при распределении работы и др. [5, с. 158].

Неудивительно, что многие беженцы оказались в очень тяжёлом материальном положении, так как зарплата для большинства из них являлась единственным источником существования. Спецпереселенцы, длительный срок не получая заработной платы, решались на крайние меры. В Железнодорожном районе Архангельской области спецпереселенка-беженка Х.А. Ляндау даже покончила жизнь самоубийством. Следствие установило, что «Ляндау Х.А., не имея наличных денег на жизнь, ходила по баракам среди спецпереселенцев, собирая по 5–10 копеек на хлеб в виде милостыни, тогда как леспромхоз затянул выдачу заработной платы лично ей в сумме 145 руб. и её мужу в сумме 344 руб., на которые она могла бы жить».

Невыполнение производственных норм со стороны спецпереселенцев-беженцев объяснялось не только плохим снабжением посёлков продуктами питания, нехваткой рабочих инструментов, одежды и обуви. Некоторые беженцы просто не могли выполнять тяжёлую физическую работу [2, л. 28]. Согласно справке Отдела трудовых и специальных поселений ГУЛАГа НКВД, среди депортированных из западных областей УССР и БССР насчитывалось 17 профессоров и научных работников, 1 академик, 12 архитекторов, 310 инженеров, 563 врача, 589 преподавателей, 31 художник, 1277 бухгалтеров, 188 адвокатов, значительная часть беженцев имела рабочие специальности [3, л. 27–28]. Основная масса высококвалифицированных специалистов-беженцев использовалась, как правило, не по специальности, на низкооплачиваемых физических работах. Согласно данным органов ОТСП ГУЛАГа СССР,

на 1 апреля 1940 г. из указанных выше 15037 беженцев работало по специальности только 5000 человек [3, л. 56]. Кроме того, среди беженцев имелись лица нетрудоспособного возраста, инвалиды.

Многие документы содержат сведения о проявлении национальной нетерпимости, грубости по отношению к спецпереселенцам-беженцам со стороны администрации. Так, в Плесецком районе Архангельской области, отмечалось в акте обследования состояния труда и спецссылки области за февраль – март 1941 г., «со стороны комендантов по отношению к спецпереселенцам допускаются грубые и нетактичные обращения, они разговаривают со спецпереселенцами в повышенном тоне, требуют обязательно перед собой стоять». В этом же районе было зафиксировано 11 случаев проявления антисемитизма. Они заключались «в отведении особых часов работы магазина для обслуживания “евреев”, в допущении оскорбительных высказываний в адрес спецпереселенцев-евреев со стороны постоянного состава и членов семей работников леспромхозов».

Как свидетельствуют архивные документы, руководство ОТП-ОТПС ГУЛАГа НКВД с сентября 1940 г. начало осуществлять массовые проверки трудоустройства и размещения спецпереселенцев-беженцев. В дальнейшем они продолжались вплоть до июня 1941 г. Это было вызвано различными причинами: жалобами самих беженцев, сообщениями со стороны местных органов НКВД, в которых указывалось на неудовлетворительное обеспечение беженцев товарами первой необходимости, жильём, работой и др.

Первая из них была организована в сентябре 1940 г. По её результатам руководство ОТП-ОТПС ГУЛАГа НКВД предложило Наркомлесу, ЦОЛесу, Наркомцветмету немедленно провести ремонт и дополнительное строительство жилых помещений для спецпереселенцев-беженцев, улучшить их бытовое обслуживание и трудоустройство [2, л. 31–32].

Наркоматы не могли оставить указанные замечания без должного внимания. Тем более, что данные проверок направлялись непосредственно в ЦК ВКП(б), в частности, лично И.В. Сталину и В.М. Молотову [3, л. 7].

Кроме того, были усилены меры борьбы с произволом администрации спецпосёлков. Весной 1941 г. (точная дата в документе отсутствует) зам. прокурора СССР Мокичев направил прокурорам краёв и областей, в которых размещались спецпереселенцы, инструкцию. В ней предлагалось «регулярно практиковать выезды в места расселения спецпереселенцев», привлекать виновных в задержке выплаты заработной платы, халатном отношении к нуждам спецпереселенцев к уголовной ответственности [8, л. 115].

Как свидетельствуют архивные материалы, уже к весне 1941 г. ситуация на спецпоселениях начала меняться в лучшую сторону. В качестве примера нам хотелось бы привести материалы из докладной записки «О состоянии спецпосёлков Архангельской области за 1-ый квартал 1941 г.». В документе содержатся сравнительные таблицы трудоустройства, заработной платы и обеспечения беженцев жильём по данным на 1 января 1941 г. и на 1 апреля 1941 г. Так, если в январе процент беженцев, занятых на производстве, составлял 72,7%, то к апрелю уже 87,9% (подсчитано по [4, л. 142]). Средняя заработная плата беженцев в апреле 1941 г. составила 141,8 руб. (в январе – 92,5 руб.) [4, л. 143]. Размер жилплощади увеличился на 0,6 м [4, л. 99–100]. Более того, отдельные беженцы, освоившись с производством, даже перевыполняли план. В отдельных районах, например, в Красноярском крае, также несколько улучшилось снабжение беженцев продовольственными и промышленными товарами [4, л. 8].

Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что отмеченные выше позитивные сдвиги не носили ярко выраженного характера. Вплоть до июня 1941 г., как свидетельствуют отчёты, справки проверяющих организаций, спецпереселенцы, в том числе и беженцы, испытывали нехватку продовольствия, мануфактуры, качественного жилья, остро стоял вопрос с их трудоустройством, медицинским обслуживанием [3, л. 7–12].

Основную причину этого проверяющие организации прежде всего видели в халатном отношении отдельных лиц (не выше уровня начальников спецпоселений, главков, руководителей трестов и др.) к своим обязанностям по «созданию надлежащих жилищно-бытовых условий для спецпереселенцев». Не исключая этого, мы полагаем, что проблема требовала

решения на общесоюзном уровне. Руководители главков, трестов, краёв, областей и др. просто-напросто не могли решить жилищную, продовольственную проблемы, вопросы трудоустройства своими силами. Вместе с тем на союзном уровне эти вопросы не решались.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Обеспечение спецпереселенцев-беженцев в местах их расселения продовольственными, промышленными товарами, жильём, медицинское обслуживание были неудовлетворительными. Это объяснялось целым рядом причин: неподготовленностью хозяйственных организаций к приёму и размещению беженцев, отсутствием у них необходимых финансовых и материальных ресурсов и др. Плохо также обстояло дело с трудовым использованием спецпереселенцев. Результатом указанных явлений стала высокая смертность среди спецпереселенцев-беженцев. Начиная с весны 1941 г., благодаря вмешательству руководства НКВД СССР, наметилось улучшение ситуации с трудоустройством беженцев, обеспечением их жильём, промышленными и продовольственными товарами. Однако в силу того, что решение этих вопросов возлагалось только на местные хозяйственные и партийные органы, которые просто-напросто не имели достаточных материальных ресурсов, указанная проблема оставалась открытой вплоть до июня 1941 г.

Литература

1. Толочко, Д.М. Проблема депортации польских беженцев из западных областей БССР (март – июль 1940 г.) / Д.М. Толочко // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзяння і ўзаемаўплывы : мат-лы Міжнар. навук. канферэнцыі, Гомель, 28–29 верасня 2006 г. / Гомельскі дзярж. ун-т. імя Ф. Скарыны; рэдкал.: Р.Р. Лазько (адк. рэд.) [і інш.]. – Гомель, 2006. – С. 237–243.
2. Материалы по выселению польских осадников. 6 ноября 1940 г. – 19 декабря 1941 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 9479-с. – Оп. 1. – Д. 61.
3. Докладные записки и предложения, направленные в ЦК ВКП(б) о трудовом использовании осадников и беженцев, переселённых из западных областей УССР и БССР // ГАРФ. – Ф. 9479-с. – Оп. 1. – Д. 73.
4. Информационный материал ГУЛАГа о состоянии спецпоселений // ГАРФ. – Ф. 9479-с. – Оп. 1. – Д. 77.
5. Рогачёв, М.Б. Депортированные польские граждане в Коми АССР в 1940–1944 годах : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М.Б. Рогачёв. – Сыктывкар, 2005. – 204 л.
6. Переписка с НКВД союзных республик о переселении спецпереселенцев из приграничных районов // ГАРФ. – Ф. 9479-с. – Оп. 1. – Д. 66.
7. Депортації : Західні землі України кінця 30-х – початку 50-х рр. : документи, матеріали, спогады : у 3 т. / ред.: Ю. Сливка. – Львів : Інститут українознавства НАНУ, 1996. – Т. 1: 1939–1945 рр. – 750 арк.
8. Переписка с начальниками ОИТК НКВД-УНКВД о порядке приписки трудпоселенцев, об улучшении жилищно-бытовых условий и медицинской помощи спецпоселенцев // ГАРФ. – Ф. 9479-с. – Оп. 1. – Д. 70.